

Эволюция российской государственности в контексте формационных взглядов на структуру мировой истории*

Р. В. Светлов, А. А. Федоров

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Российская Федерация, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Для цитирования: Светлов Р. В., Федоров А. А. Эволюция российской государственности в контексте формационных взглядов на структуру мировой истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. С. 57–67.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.105>

Формационный подход к истории в целом и истории России в частности в первую очередь связан с учеными, представляющими различные направления марксизма. В случае последних полутора веков российской истории наиболее важным пунктом становится вопрос о природе революции 1917 г. В более общем плане это вопрос о том, насколько марксистская теория способна обосновать возможность «прыжка» через формационные ступени. Эта дискуссия началась еще в последней трети XIX столетия, причем в нее были вовлечены не только русские социал-демократы. Мы выбрали в качестве примера отношения к данной теме двух представителей марксизма разных эпох. Первый — Г. В. Плеханов, выдающийся отечественный теоретик и полемист. Его отношение к революционным событиям было двояким. Февральская революция 1917 г. вполне отвечала его чаяниям как в среднесрочной перспективе (свержение царизма и продолжение борьбы с Германией), так и в долгосрочной (создание условий в России для экономического развития, а значит, и социалистического переворота). Напротив, Октябрьская революция была им расценена как трагическая ошибка. Другой взгляд на Октябрьскую революцию принадлежит современному стороннику формационного подхода, японскому философу Кадзиро Каратани. Он существенно изменил понимание того, каким образом происходит общественное развитие человечества. Важнейшей причиной исторических изменений, с его точки зрения, являются взаимоотношения между тремя способами обмена, которые диктуют те виды государственного строя, которые актуальны в различные исторические эпохи. Каратани полагает, что Русская революция стала реакцией государства имперского типа на давление со стороны государств национального типа (своих эпохе империалистического капитализма). Идея классового переустройства, на котором базировалось учение большевиков, позволила сохраниться имперской, наднациональной структуре России, получившей после Гражданской войны имя Советского Союза.

Ключевые слова: современный марксизм, Г. Плеханов, К. Каратани, философия истории, империя и нация.

Нам доводилось рассматривать, как исторический процесс, и в первую очередь судьбы России, трактовались представителями «цивилизационного» подхода в философии истории и культуры [1]. В данный момент мы хотим привести два примера подхода противоположного, «формационного».

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00153, Санкт-Петербургский государственный университет).

Структура исторического процесса в представлениях таких ярких сторонников формационного подхода в философии истории, какими были марксисты XIX — начала XX столетия, связана с преодолением различных форм отчуждения, прежде всего в процессе производства: материальном и культурно-символическом. Историческое Провидение действует не так, как Божественный Промысел в средневековой христианской историософии, но оно с неумолимостью проявляется как результат множества частных волей и мотивов, которые приводят к общему результату (кантовский образ, ставший важным для XIX столетия концептом). Таковым результатом является смена одной общественно-экономической формации другой: процесс необратимый, хотя и протекающий не всегда с одинаковой «исторической скоростью» в разных странах. Хорошим примером такого взгляда на историю являются слова знаменитого русского марксиста Георгия Владимировича Плеханова, сказанные им во время полемики о том, необходимым ли образом Россия должна пройти через капиталистическую стадию развития или же специфика ее общественного и культурного строя позволит ей совершить скачок прямо от крестьянской общины — «мира». «Вот вы, господа, всё “хлопочете” об устранении капитализма; но посмотрите, что выходит: капитализм идет себе вперед и ваших “хлопот” совсем не замечает; вы же, с вашими “идеалами” и вашими прекрасными намерениями топчетесь на одном месте» [2, с. 334]. В то время, когда этот текст писался, «фронтиром» полемики между теоретиками российского марксизма и народничества был именно вопрос об историческом законе, о его линейном или нелинейном характере. Народники — прежде всего Н. К. Михайловский — выдвигали свою версию социализма, как и исторического пути к нему. «Субъективный метод» в социологии, который развивал Михайловский, подразумевал определяющую роль лидера, способного развернуть общественное (и экономическое) движение в нужную сторону. Стадия капитализма с ее ужасами пауперизации значительной части населения, эксплуатации пролетариата, концентрации финансов и власти в руках узкой группы лиц (а таким и был в это время европейский капитализм) полагалась совершенно чуждой и не необходимой России. Искались пути создания предпосылок социализма на основании общественного строя, «замороженного» в России благодаря крепостничеству, т. е. еще не распавшейся (как полагали народники) общинной жизни.

Плеханов в это время мог спокойно говорить об утопизме таких воззрений: капитализм действительно проникал в России все глубже и в экономический, и в общественный строй. Попытка «перенаправить историю» выглядела наивной. Известный краткий ответ Маркса на письмо В. Засулич констатирует факт, что в России возможен переход от крестьянской общины к социализму лишь в том случае, если в развитых странах возникнут условия для пролетарской революции и она случится. В свою очередь, российская община должна быть ограждена от «пагубных влияний» и сохраниться до момента этой революции. Уклончивость ответа была связана, видимо, с тем, что Маркс и Энгельс, с одной стороны, полагали, что их теория описывает закономерности избранных народов и государств, достигших вершины экономического развития, в отношении которых все страны с доминантой «восточных» форм собственности (в том числе Россия) были периферией. Во вторых, они, как и Плеханов, наблюдали все более глубокое проникновение капиталистических отношений в Россию.

Но, как мы знаем, Россия все-таки попыталась совершить скачок к социализму, так и не выйдя за пределы полуфеодального своего настоящего. Речь идет об Октябрьской революции. Плеханов отчетливо негативно отнесся к прямому захвату власти большевиками. Он утверждал, что эти события обернутся страданиями для пролетариата и крахом государства, призывая защищать последнее. Нет еще в России ни нужного уровня техники, ни сознательности рабочего класса: «Социалистический строй предполагает, по крайней мере, два непеременимых условия: во-первых, высокую степень развития производительных сил, так называемой техники; во-вторых, весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны. Там, где отсутствуют эти два необходимых условия, не может быть и речи об организации социалистического способа производства» [3, с. 249]. Как утверждал Л. Г. Дейч, уже на пороге смерти Плеханов не раз обращался к нему с вопросом: «Не слишком ли рано мы в отсталой, полуазиатской России начали пропаганду марксизма?» [3, с. 261].

Октябрьская революция стала трагедией для Плеханова. Он еще успел увидеть распад государства, начальный этап утери тех регионов, которые были наиболее развиты с технико-экономической точки зрения. Параметры и цену «перезагрузки», которая произойдет в процессе Гражданской войны, он едва ли мог предполагать. Уверенность в том, что Россия, прежде чем она войдет в общемировую революционную ситуацию, должна сполна обрести капиталистический тип общественных отношений и отношений собственности, казалось, опровергалась историческими событиями. Большевики как бы реанимировали идеи народничества — только реализовывали их в форме революции и насилия, а не мирной формы регулирования общественных процессов. Россия в том, что они делали, выступала в качестве сакральной жертвы, агнца, приносимого на заклание ради начала пролетарского переворота в мировых масштабах.

Важно помнить отношение Плеханова к Великой войне (как до настоящего момента называют на Западе Первую мировую). В. Ленин и его сторонники видели в столкновении «империалистических держав» шанс для начала революционного пожара, а потому призывали добиваться кризиса в собственном государстве, не бояться поражения в войне, так как оно может стать причиной пролетарского переворота. Плеханов разошелся с Лениным в вопросе о природе империализма, приняв точку зрения К. Каутского. Последний полагал, что империализм — это не высшая (завершающая, по Ленину) стадия капитализма, когда мир оказался распределен между промышленными державами и все противоречия оказались настолько обострены, что революционный взрыв, который диалектически венчает классовую борьбу, стал неизбежным. Напротив, Каутский считал, что империализм — это лишь политическая стратегия развитых буржуазных государств, которые стремятся экономически и политически подчинить себе аграрные «окраины» промышленного мира. Империализм — «вопрос силы», а не природы капиталистической формации (любопытно, что именно в этом контексте данное понятие зачастую употребляется современными историками, говорящими об «империализме» древних Афин, Карфагена и Рима — государств, на определенном этапе получивших именно экономическое превосходство над соседями). Каутскому также принадлежит важная гипотеза об «ультраимпериализме», таком состоянии мира, при котором транснациональные корпорации и общекapиталистические интересы

позволят преодолеть пределы, налагаемые природой национального государства. Это приведет капиталистов к объединению ради совместной эксплуатации порабощенных классов [4, с. 17]. Отметим на полях, что отдельной темой является соответствие этой гипотезы тем «глобализационным» реалиям, которые мы наблюдаем в настоящий момент [5].

Исходя из таких представлений, Плеханов полагает, что социалисты должны занять патриотическую позицию — но не в плане союза с царизмом, а с точки зрения защиты российской государственности. Россия еще не достигла той стадии промышленного развития, когда она может навязывать свою экономическую и политическую волю в самых разных уголках земли (печальная история «океанского флота» России по время Русско-японской войны тому подтверждение). Она еще не доросла до империализма как государственной стратегии. В случае победы Германии она окажется решительно отброшена назад в экономическом и общественном развитии: «Германия, выйдя победительницей из нынешней войны, накинет петлю экономической эксплуатации на побежденные ею народы... у России будет отнята Польша и другие территории» [6, с. 11]. В отличие от республиканского строя Франции и конституционализма Британии, в Германской империи и Австро-Венгрии господствует монархический принцип; в случае их победы прогрессивное развитие будет заторможено. Отсюда становится понятно, что необходима решительная борьба с внешним врагом (странами «Оси») и внутренним (царизмом). Нет сомнений, что, вопреки критике со стороны В. Ленина и его соратников, Плеханов не выступал сторонником какого-то паллиатива с властями [7; 8].

Победа Февральской революции стала, казалось бы, решительным подтверждением правоты Плеханова: борясь с внешним врагом, Россия одолела и врага внутреннего. Именно поэтому он так стремился вернуться на родину после многолетней эмиграции. Однако вместе с уходом «царизма» начался тот развал государственности, который имел своим результатом октябрьские события 1917 г.

Формационный подход к истории, которому Плеханов был верен во время всей своей научной и политической жизни, в дальнейшем корректировался создателями советской версии «исторического материализма», сформулировавшими — после неудачи «экспорта» революции в начале 1920-х годов — учение о возможности победы социалистических отношений в одной отдельно взятой стране. Это привело и к насильственной индустриализации 1930-х годов, и к попытке превратить крестьян в сельский пролетариат, и к созданию III Интернационала. Однако реакцией на революционные события в России стала, как известно, существенная перестройка капитализма, проводившаяся под непосредственным патронажем буржуазных государств. Перестройка, расширявшая права пролетариата, позволявшая во избежание пауперизации перераспределять часть сверхдоходов, наконец, предоставлявшая широким кругам населения доступ к финансовому капиталу. Этот процесс был постепенным, но поступательным. В наше время, как известно, благодаря различным техникам финансового рынка в число рантье (держателей ценных бумаг, то есть с формально марксистской точки зрения — в число класса эксплуататоров) вовлечена значительная часть населения промышленно развитых стран. В том числе та, которая, казалось бы, относится к числу эксплуатируемых слоев.

Указанная перестройка показала, что не только производство и права собственности на продукты общественного труда, т. е. не только классовые отношения

являются определяющим фактором в истории. Государство продемонстрировало, что оно является самостоятельным и важным «игроком» на этом поле, имеющим собственные интересы.

Сторонники формационного подхода к философии истории в этих условиях подвергаются радикальной критике, как критикуется и в целом представление о «направленности» исторического процесса. Классическим примером такой критики являются работы К. Поппера, особенно его труд «Нищета историцизма», построенный во многом именно на опровержении марксистского понимания природы капитализма [9]. Авторам, стремящимся сохранить верность формационному принципу, приходится искать иные его формулировки, точнее — проектировать иную схематику мировой истории.

Одним из ярких примеров новых «формационных» горизонтов является труд японского литературоведа и философа-неомарксиста Кодзина Каратани (Kojin Karatani) «Структура мировой истории: от способов производства к способам обращения» [10]. (Каратани также принадлежит близкое по тематике сочинение [11], где ряд изложенных ниже идей были высказаны впервые. Но свой завершённый вид они получили именно в той работе, о которой мы говорим. На русском языке имеется также статья Каратани «Революция и повторение» [12].) Каратани испытал влияние не только Маркса, но прежде всего И. Канта. Из авторов, писавших на тему природы раннеклассовых государств, он активно ссылается на Карла Витфогеля. Ориентиром в теме геополитики «мир-системы» капитализма для Каратани является Иммануил Валлерстайн. Природа капиталистического империализма им обсуждается в связи с идеями Михаэла Хардта и Антонио Негри. Подобный «эkleктизм» теоретических источников и, главное, концептов, на которые данные источники ориентируются, не мешает появлению вполне целостной философии истории.

Книга Каратани была опубликована на японском в 2010 г., в английском переводе — в 2014 г. и уже вызвала реакцию за пределами Японии — как критическую, так и вполне позитивную [13]. Прежде чем обращаться к оценке Каратани событий в России в 1917 г. с точки зрения нового варианта формационной теории, выделим основные идеи этого сочинения.

Каратани видит основным фактором развития материальной, а следовательно, политической и духовной жизни человечества не господствующий способ производства, но способ обмена. Как и в «старой» формационной теории, таких способов четыре. Но это не «рабовладельческий», «феодальный», «капиталистический» и, наконец, «социалистический», а дарообмен (способ А), принудительный способ перераспределения (способ В), рыночный способ обмена ресурсами (способ С), наконец — будущая форма справедливого обмена, которая еще не сложилась (способ D). В разные исторические периоды и в разных регионах господствует один из первых трех способов обмена, однако из этого не следует, что там отсутствуют остальные два. Возьмем в качестве примера Спарту (наша оценка, к слову, будет отличаться от той оценки спартанского государства, которую дает Каратани [10, р. 101–102]). В Древней Спарте существовал первый способ (между полноправными спартиатами или же во время религиозных действий), второй (в отношении илотов) и третий (населявшие окраинные города перизки были заняты предпринимательством и торговлей, пусть в ограниченных и контролируемых масштабах).

Первые три формы обмена метаисторичны, служа предпосылкой формирования четвертой, так сказать, формы «светлого будущего». Конечно, первый являлся доминирующим в «доисторическом» прошлом, возможно, у ранних земледельцев, в дальнейшем — у кочевников. Второй становится доминирующим у цивилизаций, испытавших на себе власть «зерновой революции», и в дальнейшем характерен для государств деспотического и авторитарного типа. Третий набирает силу вместе с расцветом рыночных отношений, т. е. начинает доминировать в обществах буржуазного типа. Но все виды обмена в той или иной форме существуют всегда.

С третьим, рыночным способом связана вторая важная для нас идея Каратани. Японский мыслитель полагает, что способ С возникает и закрепляется изначально в цивилизациях «периферийного» типа — в сравнении с «центральными» для подавляющих веков истории цивилизациями Евразии, такими как Китай, Персия, империя Моголов, в дальнейшем — Османская империя и Россия. Когда Александр Македонский и, спустя три века после него, Рим создают свои «мировые» державы, они сохраняют полисное прошлое своих цивилизаций в культуре, идеологии, отдельных послаблениях для некоторых городов, однако доминирующим принципом обмена становится второй, т. е. принятый от персов деспотический режим. Обрести мировое значение рынок смог лишь в тот момент, когда в Европе формируются национальные государства.

Каратани говорит о том, что начиная с XVII столетия в Европе создается «Боргомеев узел» (Borgomean knot) между государством, капиталом и нацией. Абсолютистское государство именно потому поддерживается капиталом, что оно создает нацию как новую форму человеческого сообщества, в которой нет сословий и прочих социальных «складок», нарушающих единые, словно идеальное пространство Ньютона, условия рыночного обмена. Капитал требует роста, с этим связана экспансия национального государства, которое мобилизует национальные ресурсы для достижения экономических целей. Способ А в этом случае представлен в символическом обмене народа-нации как «воображаемого сообщества». Способ В связан с функциями государства. Вариант С — капитализм как доминирующая экономическая составляющая.

Поскольку надгосударственные структуры (вроде Священной Римской империи или Католической церкви) утрачивают значение, межгосударственные отношения развиваются через модель конфликта: вплоть до окончания эпохи Наполеона Новое время представляет собой череду постоянных войн. XIX столетие смещает фронт — теперь он преимущественно располагается за пределами Европы, там, где находятся общества с доминирующими системами обмена А и В: Африка, Океания, Азия. Здесь «старые львы» (Турция, Персия, Китай) постепенно теряют свое могущество.

Мы не станем затрагивать то, как Каратани видит возможность создания справедливого сообщества, «мировой республики», основанной на новом номадизме с его справедливым и свободным перераспределением ресурсов. Отметим лишь, что такое сообщество для него, как и для «старого» марксизма, возможно только в рамках всечеловеческих. Хорошим примером для него является представление о «государстве целей» Иммануила Канта [10, р. 232–234] как некотором регулятивном принципе, который во всей полноте может быть реализован лишь во всеобщих масштабах.

В связи с этим взглянем на то, как Каратани оценивает произошедшее в России в 1917 г. — прежде всего с точки зрения его прочтения «формационной» философии истории. Согласно Каратани, причиной революционной ситуации стало становящееся все более явным поражение России на фронте Первой мировой войны. Именно это настолько ослабило государственную власть, что позволило произойти свержению самодержавия, а вслед за этим — Октябрьской революции. Причем японский мыслитель считает, что стратегия, которую большевики применяли в 1917 г., вытекала из идеи «перманентной революции», которую предложил и активно поддерживал Л. Троцкий [10, р. 255–256]. Эта концепция предполагала, что даже в такой крестьянской стране, как Россия, возможен «цивилизационный скачок», переход в формацию более высокого уровня без исчерпания прошлого. Правда, такая революция возможна лишь как «запал» революции всемирной. Когда же стало ясно, что «ускорение истории» во всемирном масштабе невозможно, советская власть увидела себя в окружении такого количества врагов, что ей пришлось пойти по пути Французской революции — создать собственный бюрократический и террористический аппарат, который позволял выжить в этой борьбе. Вместо безгосударственного общества возникло деспотическое государство. Каратани пишет: «...позднее Троцкий назовет систему, возникшую после прихода к власти Сталина, предательством революции, но на самом деле она была логическим итогом Октябрьской революции» [10, р. 256].

Каратани видит параллель Русской и Французской революций в том, что они завершали агрессивные, «империалистические» этапы развития капитализма (раннего — XVIII в. и промышленного — второй половины XIX в.) и были реакцией на давление со стороны экспансионизма наиболее развитых держав. Обе они привели к созданию новых империй (наполеоновской и СССР), появление которых в качестве обратной реакции вызвало либеральные тенденции в капиталистическом мире (см. рассуждения К. Каратани о повторяемости в истории в указанной выше статье [12]).

Но дабы понять, что на самом деле представляла собой Русская революция для Каратани, необходимо вернуться к более раннему разделу его книги («Современная мировая система»), где он описывает то, как некогда «субмаргинальные» западные государства обретают постепенно характер доминирующей силы, в свою очередь «маргинализуя» бывшую «сердцевину» евразийской цивилизации. Последними державами, сопротивлявшимися этой маргинализации, были Китай и Россия. Приведем полностью важное суждение Каратани: «Япония, расположенная в субмаргинальном регионе (Китай), быстро адаптировалась к мировой экономике и в конце концов даже присоединилась к ее ядру, в то время как Россия и Китай, ядра старых мировых империй, сопротивлялись собственной маргинализации в рамках мировой экономики... В этом ключе следует понимать социалистические революции в России и Китае. Другие мировые империи были разделены на несколько этнических групп, то есть на несколько национальных государств. Способность России и Китая избежать этой участи объяснялась тем, что ими правили марксисты, которые считали классовые проблемы более фундаментальными, чем этнические. Однако марксисты не собирались возродить империи. Но, по словам Маркса, “они делали это, не ведая, что вершат”» [10, р. 163–164].

Говоря о превращении империй в группы национальных государств, Каратани имеет в виду Османскую и Австро-Венгерскую империи, Персию, индий-

скую державу Моголов. Именно этому, с его точки зрения, и сопротивлялись Китай и Россия, а их революции были лишь по форме связаны с мечтой о справедливой форме обмена ресурсами. Здесь воззрения японского мыслителя напоминают рассуждения А. Тойнби о Русской революции, которая, по его мнению, стала ответом на вызов-давление со стороны Запада, причем ответом, который был произведен с помощью западной же по происхождению социальной технологии — коммунизма (Тойнби называет его «западной ересью» [14, с. 381–383]). Но Каратани не имеет в виду цивилизационный подход к описанию исторического процесса. История у него — это борьба в целом равнозначных с точки зрения своего несовершенства и неполноты видов обмена. Тип В, характерный для империй, не в большей мере является устаревшим, чем тип С, с которым связано возникновение национальных государств. Так, тип А, с которым Маркс когда-то связывал «первобытный коммунизм», проявляется и в национальном, и в имперском сообществе, в частности в виде религиозного сознания. Но в национальных государствах постепенно начинают господствовать секулярные процессы. Империи же поддерживают мировые религии с их концептами заботы, сострадания и взаимопомощи [10, р. 143–144].

Поэтому Русская революция продемонстрировала невозможность «формационного скачка», но стала причиной сохранения имперской государственности. Эта государственность благодаря деятельности III Интернационала, организации Варшавского блока создала свою «мир-систему», уступавшую во многом «мир-системе» капиталистической, но вынудившую ту провести внутренние (перераспределение сверхдоходов) и внешние (деколонизация, появление массы новых национальных государств) либеральные реформы. Китай в 1970-х годах выстраивает собственную «мир-систему» («страны третьего мира»). После крушения СССР российская и китайская «мир-системы» перестали быть актуальны, что, впрочем, означает не глобализацию человеческого сообщества, а усиление империалистического давления на него со стороны «пула» национальных государств и транснациональных корпораций, в рамках которого «неолиберализм» приводит к распространению обмена по способу С на те сферы, которые ранее были за его пределами (здоровье, жизнь и смерть — то, что ныне называют «биокапитализмом») [10, р. 287]. Более того, он приводит к появлению капиталистического по своему характеру межгосударственного объединения, которое жертвует нацией ради капитала, т. е. обмену по способу С — мы имеем в виду Евросоюз.

Впрочем, «структура истории» в современности такова, что подобное давление «национальных» государств встречается с мощным ответным процессом. «Эпоха неолиберализма после 1990 г. и эпоха империализма после 1870 г. похожи друг на друга еще в одном отношении: точно так же как в 1870-х годах старые мировые империи (Российская, Цинская, Могольская и Османская) упорно сопротивлялись давлению западного империализма, в период с 1990-х годов эти же державы возродились, чтобы стать новыми империями» [10, р. 279–280]. Во многом успех этих «новых империй» (к которым кое-где Каратани относит также исламский мир) зависит от того, как они смогут компенсировать травматическую память о фрагментации бывшего имперского прошлого и антагонизмах, порожденных в момент строительства национальных суверенитетов [10, р. 283]. Поскольку, согласно Каратани, весь мир так или иначе вовлечен в капиталистические отношения, его последовательность формационных уровней касается в первую очередь капитализма

и тех регионов, в которых последний устанавливает свое господство. Таким образом, революция 1917 г. является не прискорбной ошибкой истории, но проявлением закономерного процесса соперничества двух способов обмена и государственных структур, с этими способами связанных. И одновременно она — проявление закономерного хода развития собственно капиталистической формы обмена. Она не противоречит тому варианту формационного подхода, который описывает японский мыслитель: формации у него соседствуют друг с другом и в рамках одной государственной формы (классический пример — современные Китай и Индия), и в течение всей истории цивилизации. Их соседство приводит к конкурентной борьбе, которая формирует государства разного типа на разных периодах человеческой истории. Уже очевидное исчерпание ресурсов для эксплуатации (природных и человеческих) может привести к обрушению капиталистического способа обмена и возвращению государств того имперского типа, в которых доминирует обмен В [10, р. 284]. Поэтому главным формационным переходом должен стать чаемый скачок к типу D — но механизмы этой цивилизационной трансценденции являются для Каратани пока гипотетическими.

Литература

1. Светлов, Р. В. (2021), Цивилизационные модели описания Российской империи в отечественной и западной философии истории, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, т. 22, № 4-1, с. 272–283.
2. Плеханов, Г. В. (Бельтов, Н.) (1949), *К вопросу о развитии монистического взгляда на историю*, М.: Государственное издательство политической литературы.
3. Шуб, Д. Н. (1969), *Политические деятели России (1850–1920-х гг.): сборник статей*, Нью-Йорк: Издание «Нового журнала».
4. Каутский, К. (1917), *Национальное государство, империалистическое государство, союз государств*, М.
5. Котельников, М. Е. (2005), Социалистическая перспектива в концепции Каутского, *Философия и общество*, № 2 (39), с. 60–79.
6. Плеханов, Г. В. (1917), *Война и мир*, Пг.: Издательство Марии Малых.
7. Костяев, Э. В. (2014), Являлся ли Г. В. Плеханов сторонником царизма в годы первой мировой войны? *Вестник СГТУ*, № 1 (74), с. 131–136.
8. Савинченко, Т. И. и Соколов, М. В. (2017), Г. В. Плеханов и Первая мировая война, *Вестник Екатеринбургского института*, № 3 (39), с. 79–83.
9. Popper, K. (1957), *The poverty of historicism*, Boston: Beacon Press.
10. Karatani, K. (2014), *The Structure of World History: From Modes of Production to Modes of Exchange*, Durham: Duke University Press.
11. Karatani, K. (2003), *Transcritique: On Kant and Marx*, Cambridge: MIT Press.
12. Каратани, К. (2012), Революция и повторение, *Логос*, № 2 (86), с. 114–133.
13. Ouahes, I. (2015), The structure of world history: from modes of production to modes of exchange. *Rethinking History, The Journal of Theory and Practice*, vol. 19, iss. 1, pp. 141–144.
14. Тойнби, А. Дж. (2010), *Постижение истории*, М.: Айрис Пресс.

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 3 ноября 2022 г.

Контактная информация:

Светлов Роман Викторович — д-р филос. наук, проф.; rsvetlov@kantiana.ru
Федоров Александр Александрович — д-р филос. наук, проф.; alafedorov@kantiana.ru

The evolution of the Russian state in the context of formational views on the structure of the world history*

R. V. Svetlov, A. A. Fedorov

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14, ul. Aleksandra Nevskogo, Kaliningrad, 236041, Russian Federation

For citation: Svetlov R. V., Fedorov A. A. The evolution of the Russian state in the context of formational views on the structure of the world history. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 1, pp. 57–67. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.105> (In Russian)

The approach to history in general and the history of Russia in particular, which points to the presence of the necessary historical stages, is primarily associated with various trends in Marxism. In the case of the last centuries of Russian history, the most important point is the question of the nature of the 1917 Revolution. More generally, it is a question of the extent to which Marxist theory is able to substantiate the possibility of a “jump” through historical steps. We have chosen two Marxists from different periods as an example the attitude to the topic. The first example is G. V. Plekhanov, an outstanding Russian theorist and polemist. His reaction to the revolutionary events was twofold. The February Revolution of 1917 fully met his aspirations both in the medium term (the overthrow of “tsarism” and the continuation of the struggle against Germany) and in the long term (creation in Russia of prerequisites for economic development, and, therefore, a socialist revolution). On the contrary, the October Revolution was regarded by him as a tragic mistake. Another position on the October Revolution was expressed by a modern proponent of the formational approach, the Japanese philosopher Kajio Karatani. He significantly changed the understanding of how the social development of mankind takes place. The most important reason for historical change is the relationship of the three modes of economic exchange, which dictate those types of state system that are relevant in different historical eras. Karatani believes that the Russian Revolution was the reaction of an imperial-type state to pressure from national states. The idea of class reorganization, on which the teachings of the Bolsheviks were based, allowed the imperial, supranational structure of Russia to survive. After the Civil War it received the supranational name of the Soviet Union.

Keywords: Modern Marxism, G. Plekhanov, K. Karatani, philosophy of history, empire and nation.

References

1. Svetlov, R. (2021), Civilizational models of the description of the Russian Empire in Russian and Western philosophy of history, *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 22, no. 4-1, pp. 272–283. (In Russian)
2. Plekhanov, G. (1949), *On the question of the development of a monistic view of history*, Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
3. Tshub, D. (1969), *Politicians of Russia (1850s–1920s)*, New York: Izdanie “Novogo zhurnala” Publ. (In Russian)
4. Kautsky, K. (1917), *Nation state, imperialist state, union of states*, Moscow. (In Russian)
5. Kotel'nikov, M. (2005), Socialist perspective in the concept of Kautsky, *Filosofia i obshchestvo*, no. 2 (39), pp. 60–79. (In Russian)
6. Plehanov, G. (1917), *War and peace*, Petrograd: Izdatel'stvo Marii Malykh Publ. (In Russian)
7. Kostiaev, K. (2014), Was G. V. Plekhanov a supporter of tsarism during the First World War? *Vestnik SGTU*, no. 1 (74), pp. 131–136. (In Russian)

* The research was carried out thanks to funding of Russian Science Foundation (project no. 21-18-00153, St. Petersburg State University).

8. Savinchenko, T. and Sokolov, M. (2017), G. Plekhanov and the First World War, *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, no. 3 (39), p. 79–83. (In Russian)
9. Popper, K. (1957), *The poverty of historicism*, Boston: Beacon Press.
10. Karatani, K. (2014), *The Structure of World History: From Modes of Production to Modes of Exchange*, Durham: Duke University Press.
11. Karatani, K. (2003), *Transcritique: On Kant and Marx*, Cambridge: MIT Press.
12. Karatani, K. (2012), Revolution and repetition, *Logos*, no. 2 (86), pp. 114–133. (In Russian)
13. Ouahes, I. (2015), The structure of world history: from modes of production to modes of exchange. Rethinking History, *The Journal of Theory and Practice*, vol. 19, iss. 1, pp. 141–144.
14. Toynbee, A. (2010), *A Study of History*, Moscow: Airis Press Publ. (In Russian)

Received: September 2, 2022

Accepted: November 3, 2022

Authors' information:

Roman V. Svetlov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; rsvetlov@kantiana.ru

Alexander A. Fedorov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; alafedorov@kantiana.ru